Андрей Текутьев: суровый благодетель

Редкий тюменец не слышал этой фамилии – Текутьевское кладбище давно стало частью города, а пару лет назад рядом с ним появился Текутьевский бульвар. Однако мало кто вспомнит даже имя нашего героя, не говоря уже о жизненном пути и заслугах. Тем более увлекательным будет наше знакомство с одним из самых выдающихся персонажей тюменской истории: купцом 1-й гильдии, городским головой, меценатом, и в то же время (по мнению некоторых современников) конокрадом и фальшивомонетчиком Андреем Ивановичем Текутьевым.

Самоучка

Тайна происхождения его несметных богатств волновала умы тюменцев ещё при жизни магната. Сам Андрей Иванович объяснял всё непосильным трудом и коммерческой жилкой, которая у него, бесспорно, была. Сын простого крестьянина из д. Борки, он никогда и нигде по-настоящему не учился, а до 12 лет и вовсе был безграмотным. Со временем Андрей Иванович всё же овладел грамотой самостоятельно, а вот отец его до конца жизни ставил крестик вместо подписи.

С малых лет Текутьев трудился: сперва помогал отцу выделывать кожи и торговать, а в 12 лет был отдан подручным в хлебную лавку купца Данченкова. Школа жизни была суровой: «чаем нас не поили до 15 лет, - вспоминал он позднее, - за обедом солёным мясом кормили, да квасом прокислым поили, белого хлеба не давали, а решётного чёрного хлеба сколько угодно, мы прибирали и в воскресные дни торговали, отдыха, кроме ночи не знали».

Можно себе представить, насколько велики были его коммерческие таланты, если уже в 15 лет крестьянский сын стал старшим приказчиком. Правда, ликование его длилось недолго. Как только мать узнала, что сын отвечает за всю лавку, имея в подчинении подручных, вдвое старше его и способных из зависти на любые махинации, то ринулась вызволять дитя из «цепких лап бизнеса». Встреча была не из лёгких: пытаясь сохранить ценного работника, хозяин ринулся на ретивую мамашу с метлой в руках, но в итоге потерпел фиаско – Андрея у него забрали. Кстати, позднее заядлый картёжник Данченков крупно проигрался, объявил себя банкротом и закрыл дело.

А наш герой вскоре вернулся в торговлю, но тут о начинающем коммерсанте вспомнило государство – Текутьев попал под рекрутский набор. В то время это означало 12 лет ходить под ружьём, хлебать жидкие щи и спать на деревянных нарах, накрывшись солдатской шинелью (одеяла и постельное бельё появятся в русской армии лишь в 1905 г.). Можно, конечно, было найти «наёмщика» - бедового парня, готового заменить новобранца за кругленькую сумму. Вот только денег у Текутьева не было, семейная жизнь после недавней женитьбы как-то не заладилась, да ещё с отцом опять поругался… Выручили друзья: скинувшись, они насобирали 1000 руб. и проблема была решена.

При этом один из них, лавочник Тимофеенков, ранее также служивший у Данченкова приказчиком, предложил Андрею Ивановичу продать для него на Базарной площади 100 мешков крупчатки – муки мельчайшего помола, стоившей довольно дорого. Товар лежал на складе уже 4 месяца и казалось, что сбыть его просто невозможно. Чтобы продать в первую субботу 10 мешков и выручить свои 5 руб. Текутьеву, по его словам, пришлось действовать «нахально». Шесть недель спустя он продавал за два базарных дня (пятница и суббота) до 500 мешков и имел двух работников. Капитал создавался буквально потом и кровью: обладавший недюжинной силой, Текутьев частенько сам таскал в возы покупателей пятипудовые мешки с крупчаткой, порой прихватывая по два сразу. И пускай на следующий день шла носом кровь, получить за два дня от 300 до 600 руб. чистой прибыли было приятно.

Со временем удалось организовать оптовые поставки из Кургана и Шадринска, открыть несколько лавок, построить мельницу. Но, даже имея две лавки, дюжий купец по-прежнему сам торговал с возов на Базарной площади, а в остальные дни косил сено, возил дрова и пахал до 30 десятин пашни. Несмотря на огромные обороты, дело было обставлено

крайне просто и держалось главным образом на доверии. Текутьеву верили, а потому товар отправлялся не только без предоплаты, но даже без счетов и векселей - «понимали мой характер и совесть». Правда, был в биографии нашего героя один эпизод, несколько портивший эту благостную картину.

Фальшивомонетчик?

Случилось это в 1864 г., когда торговая карьера Андрея Ивановича только начиналась. В то время уже известный нам Тимофеенков предложил ему помимо крупчатки заняться скупкой скота – делом основательным и весьма прибыльным. Текутьев позднее клялся, что был простым агентом и даже те злополучные 800 руб. были не его, а Тимофеенкова, однако тень той далёкой сделки будет преследовать его и полвека спустя. Одним словом, вскоре после его возвращения из Ялуторовского уезда на Митревской ярмарке в с. Осиповском обнаружилось фальшивых кредитных билетов на 150 руб. Несколько крестьян показали, что получили эти деньги за скот, проданный Текутьеву.

Началось расследование, развивавшееся в «лучших» традициях российского судопроизводства. Заседатель Колмогоров, известный взяточник и пьяница, начал затягивать дело: допросы, заседания, снова допросы. Впору было впасть в отчаяние или смириться, но не таков был Текутьев. Прослышав, что новый губернатор Деспот-Зенович рьяно принялся за уничтожение взяточничества, он подал жалобу о медлительности процесса. Результат был вполне предсказуем. Колмогоров вызвал его к себе и заявил: «Вы жаловаться вздумали? Так я окончу дело в три дня!». И действительно, заседатель закончил дело в намеченный срок, причём, по словам самого Текутьева, «с такой наглостью, какую только он мог делать в пьяном виде». Понадобилась ещё одна жалоба и повторное расследование, после чего Андрей Иванович был оправдан, а злосчастный заседатель отдан под суд.

Прошло без малого тридцать лет, прежде чем раскрылась тайна происхождения фальшивых кредиток. К тому времени полиции удалось вычислить место нахождения подпольной фабрики: все следы вели в село Красногорское Ялуторовского уезда. Появился и главный подозреваемый – некий Осип Бельченко по кличке Царёк, чей трёхэтажный дом одиноко возвышался на холме, предоставляя хозяевам прекрасный обзор окрестных дорог. Начиная с 1877 г. полиция регулярно навещала богатого старика, устраивая обыски и производя дознание, но улик против него по-прежнему не было. Почему он всё же оплошал в тот июльский день 1893 г.? То ли нестерпимая жара разморила, то ли просто с годами притупилась бдительность, но только этот налёт полиции он проморгал.

Помощник исправника с характерной фамилией Грозавич нашёл всё: медные доски с гравировкой, краску, клише разных видов и даже парик с бородой. Оставалось найти главное – заказчиков палёного товара, тех, кто, заплатив по 5 руб. за 25-рублёвые купюры, сбывал их на ярмарках казахам-скотоводам. Говорили всякое, среди прочих кто-то вспоминал и давнее дело Текутьева – не оттуда ли пошли его миллионы? Ответить на эти вопросы должно было следствие, благо красногорский фабрикант был арестован и уже готовился к допросам, но… случилось непредвиденное. Некоторое время спустя его бездыханное тело нашли в арестантской бане Тюменской тюрьмы – Бельченко угорел, «сварился», как тогда говорили. Потеряв главного свидетеля, следствие остановилось на полпути. И хотя многие крестьяне-сбытчики отправились на каторгу, в памяти народной процесс так и остался незавершённым, а на Текутьева легло новое подозрение.

Голова

Однако былая подсудность не помешала Андрею Ивановичу стать в 1899 г. городским головой или «лорд-мэром», как его ещё называли. Точнее, почти не помешала. Выборы гласных (т.е. депутатов) Тюменской городской Думы были непростыми: на них явилось всего 55 избирателей из 275 имевших право голоса, баллотировку (от англ. «ball» – шар) проводили несколько раз – то находились ошибки в подсчётах, то оставался лишний шар. За

это время, не выдержав волокиты, собрание покинули ещё 10 избирателей, так что итоговый документ подписали всего 45 чел.

Зато гласные в своём выборе определились почти единодушно: за Текутьева было подано шаров в три раза больше, чем за его предшественника Мальцева. Потерпев поражение в зале заседаний, недруги магната продолжили борьбу в тиши канцелярий: к губернатору полетели «неодобрительные письма», в газете «Степной край» появилась разоблачительная статья. И начались запросы, дополнительные расследования, завертелось скрипучее колесо чиновной волокиты. Впрочем, всё это лишь отсрочило вступление нашего героя в должность, лишить себя законной победы он не позволил.

Новый голова начал с ревизии городского хозяйства и результаты её были, по его словам, неутешительны. Бухгалтерия велась «на глазок», так что при выдаче денег рабочим, трудившимся на постройке Затюменского моста, вместо имён и фамилий писалось просто: «100 подёнщин по рублю, 70 подёнщин по 80 коп.» и т.д. Неудивительно, что расходы по этому объекту были завышены, по оценке Текутьева как минимум на 20 %. На строительство скотобоен город потратил 15 000 руб., но в итоге появилось сомнительного вида сооружение, наполовину из гнилого дерева, взятого при ломке старых торговых лавок. При этом Андрей Иванович оценил реальные затраты подрядчика самое большее в 4 000 руб.

Впрочем, к работе он был привычен и потому рьяно взялся за наведение порядка в городском хозяйстве. Был установлен новый порядок расчётов, в соответствии с которым каждый рабочий получал свою зарплату лично. Скотобойни были построены заново в каменном исполнении, рядом появились добротные склады и подсобные помещения. Шалаши на Базарной площади сменились двухэтажными лавками из добротного кирпича. Всё строительство велось по чертежам городского головы и под его личным наблюдением.

Следующий сюрприз преподнесла Текутьеву сама природа. Весной начался сильный подъём воды, под угрозой оказалась вся Зарека. Созывать гласных для обсуждения было некогда и голова взял ответственность на себя: надо поднимать защитный вал. Работа не прекращалась днём и ночью, с реки дул пронизывающий ветер, так что рабочих приходилось отпаивать водкой, сам Текутьев серьёзно простудился и проболел целую неделю (это при его-то здоровье!). Позже, когда опасность миновала, Думе оставалось лишь заслушать отчёт о выполненной работе, принять итоговую смету и поблагодарить спасителя тюменского Заречья.

Хозяин

В делах наш герой был довольно суров, порой даже слишком. Впрочем, можно ли упрекать в излишней суровости человека, отважившегося открыть своё дело в такой стране как Россия? Проблемы возникали повсеместно и ежечасно, а источники их мало изменились за последнее столетие: больше всего хлопот доставляли власти и персонал.

Несколько раз на мельнице Текутьева вспыхивали забастовки – рабочие требовали оплатить сполна сверхурочные работы и снять несправедливо наложенные штрафы. Местные большевики наводняли город листовками, в которых изобличали «благодетеля», заявляя это на деньги рабочих он строит приюты, школы и больницы. Текутьев реагировал по-разному: в одних случаях увольнял зачинщиков, заменяя их более покладистыми работниками, в иных приходилось идти на уступки.

Однажды дело приняло и вовсе криминальный оборот. Андрей Иванович уволил со своей мельницы за ряд проступков приказчика и крупчатного мастера. Месть обиженных служащих была жестокой. Пару недель спустя в 9 утра на верхних этажах начался пожар, имевший самые печальные последствия: полностью выгорела 6-этажная крупчатная мельница, а также стоявшие по соседству раструсная мельница, склад и жилой дом. Примечательно, что огненный фейерверк, стоивший Текутьеву 150 тыс. руб., обошёлся его недругам всего в 100 руб. Именно столько взял за свои услуги поджигатель – рабочий из местной шпаны, вскоре арестованный и во всём признавшийся. «Моё дело правое, ваше благородие, - спорил он с полицейским надзирателем на допросе, - потому я, значит, как

работник. Мне что приказано – делай, Мишка». «Велели бы тебе человека зарезать – зарезал?» - возмутился тот. «За двести целковых только, ваше благородие, а не за сто…», - ответил рассудительный жулик.

Не меньшую опасность представляла для нашего героя и местная власть, самый ничтожный представитель которой мог доставить коммерсанту серьёзные неприятности. Весьма показательна в этом отношении история, случившаяся в 1892 г. Всё началось с того, что капитан конвойной команды Рончевский в очередной раз напился вдрызг и устроил дебош в Текутьевском театре. Разбуянившегося служаку «с почётом» вывели на свежий воздух и, казалось, на этом инцидент был исчерпан. Вскоре он получил неожиданное продолжение: в лавку Текутьева явился врач в сопровождении полицейского чина. По их словам именно здесь денщику Рончевского было продано 5 фунтов (2 кг) испорченной крупы, что обнаружила его кухарка, сварившая кашу. Однако тщательный осмотр ничего не дал – вся остальная крупа была вполне пригодной.

И вновь казалось, что вопрос исчерпан, но не тут-то было. Спустя три месяца приказчик из той лавки был вызван в полицейский участок, где ему предъявили горсть злосчастной крупы в салфетке. Завязалась нешуточная тяжба, год Текутьев провёл в судах и в итоге проиграл: окружной суд приговорил и приказчика и его хозяина… к тюремному заключению! Позднее Андрей Иванович вполне откровенно пояснял причины столь сурового решения: «Я считал это дело не имеющим серьёзного значения, почему и отказался подлить маслица в кашу, а каша-то без масла не пошла в желудок». Довольно образно, но кто из нас не поймёт этой аллегории?

Почётный гражданин

Росли текутьевские капиталы, а вместе с ними росли и амбиции крестьянского сына. И хотя Андрей Иванович всегда заявлял о своей скромности и безразличии к мирской славе, похоже наш герой несколько… лукавил. Во всяком случае, совершая очередное благодеяние в пользу города, Текутьев ревностно следил за тем, чтобы его заслуги были замечены и оценены, по возможности, принародно. Впрочем, надо признать: ему было чем гордиться.

127 лет назад, в 1879 г. тюменские врачи впервые поставили диагноз «дифтерия». Тюменцы, конечно, встречались с этой болезнью и раньше, просто местные эскулапы не могли её распознать и, соответственно, вылечить. Десять лет спустя в Даудельной роще была построена дифтерийная больница на 5 коек, положившая начало больничному городку. В те дни это была окраина города, где близ Всехсвятского кладбища разбила свой садик аптекарь Александра Ивановна Даудель (отсюда название улицы – Даудельная).

В 1902 г. эта территория привлекла внимание нашего героя и произошло это во многом случайно. Годом ранее в Сибири ожидали неурожай, в Тюмени по этому случаю был создан специальный комитет по предотвращению роста хлебных цен. Текутьев, будучи членом комитета, на одном из заседаний пообещал, что отпустит городской бедноте из своих запасов 10 000 пудов ржаной муки и 5 000 крупчатки по фиксированной цене – 70 коп. за пуд. Однако неурожая не случилось и цены на хлеб остались прежними, а благодеяние – невостребованным.

Но Андрей Иванович был настойчив в своих устремлениях и в январе 1902 г. порадовал земляков новым предложением. Вместо продажи дешёвого хлеба он решил построить за свой счёт и подарить городу больницу. Сказано – сделано. Два года спустя в Даудельной роще выросло двухэтажное кирпичное здание на 75 коек, которое служит городу и в наши дни. Строительство стоило Текутьеву свыше 50 000 руб. и город оценил его щедрость, наградив дарителя званием почётного гражданина Тюмени.

Что двигало именитым купцом: искреннее стремление помочь землякам или же банальное тщеславие – кто знает? Одно можно сказать точно: к своим дарениям он относился крайне ревностно и всегда готов был изменить своё решение, если одаряемый казался того не слишком достоин. Со временем эта черта проявится у Текутьева особенно ярко и станет причиной громкого скандала, впервые же горожане столкнулись с ней в 1906 г.

Именно тогда Андрей Иванович приобрёл для часто-практикующегося врача Кыштымова последнее достижение медицинских технологий – французский рентгеновский аппарат. Однако вскоре за что-то осерчал на незадачливого лекаря, аппарат отобрал, развинтил на части и приказал забросить на чердак. Прошло восемь лет, прежде чем Текутьев изменил своё решение, причём сделав это, как всегда, по-своему, по-текутьевски.

В 1914 г. он предложил построить для больницы хирургический корпус и устроить в нём «рентгеновские лучи». Всё это безвозмездно передавалось городу при одном условии: здание должно было именоваться «Хирургическая лечебница и Рентгеновский кабинет, построенный А.И. Текутьевым», а в одной из палат должны быть устроены две бесплатных кровати «имени Е.Я. Текутьевой» (супруги дарителя) для бедных крестьянок. И вновь городу оставалось лишь благодарить своего благодетеля. Примечательно, что и в наши дни в этом здании по ул. Даудельной размещается рентгеновский кабинет, вот только от вывески с именем дарителя не осталось и следа…

Просветитель

Поучиться как следует Текутьеву так и не удалось – сперва не было денег, потом времени, так и прожил он жизнь самоучкой. Несмотря на это грамоту Андрей Иванович уважал и немало сделал для просвещения земляков. На втором этаже одного из своих домов, что на углу улиц Водопроводной и Серебряковской (ныне – Советская) он бесплатно разместил сразу два городских училища (мужское и женское), в которых занималось 400 ребятишек со всего города. Здание это располагалось в центре старинного тюменского района Потаскуй, отчего и сами училища получили наименование Потаскуйских. Правда, и здесь наш герой проявил свою натуру, предложив повесить на здании табличку «Текутьевское училище». Прошение рассматривалось в столице и было отклонено, поскольку училище содержалось на средства города, а не самого Текутьева. Позднее в этом же здании откроются курсы бухгалтеров – также по инициативе Андрея Ивановича, понимавшего важность этой профессии. Примечательно, что и в наши дни традиция не прерывается: сегодня здесь находится институт развития регионального образования.

К другому благодеянию Текутьева побудила острая нужда тюменской промышленности в квалифицированных рабочих. Сто лет тому назад Тюмень была крупнейшим индустриальным центром Западной Сибири, опережая даже Омск и совсем ещё молодой Новониколаевск (ныне – Новосибирск). Осознавая это, Андрей Иванович решил преподнести городу подарок в виде ремесленного училища. В итоге к 1909 г. на ул. Садовой (ныне – Дзержинского) вырос трёхэтажный каменный дом, к которому позднее была пристроена литейная мастерская (сегодня здесь разместился эколого-географический факультет ТюмГУ). Строительство обошлось меценату в 40 000 руб., ещё 5000 руб. ушло на приобретение инвентаря, но и этим Текутьев не ограничился. В своё время городская казна задолжала ему 32 000 руб. Андрей Иванович заявил, что прощает городу этот долг при условии, что проценты с него в размере 2000 руб. будут ежегодно выделяться на содержание училища.

И вновь звучали слова благодарности, а горожане почтительно восклицали: «Ну и Текутьев! Одно слово – голова!». Народное ликование не омрачило даже то, что к делу своему строители подошли довольно халатно и в 1914 г. училище пришлось закрывать на капитальный ремонт - менять полы и балки (именно тогда на фасаде появилась цифра «1914»). Долгое время здание украшала надпись «Текутьевское ремесленное училище», хотя по документам училище числилось просто «Тюменским ремесленным». Похоже, все просто закрывали глаза на невинную слабость немолодого уже благодетеля. Или почти все…

Не осталась в забвении и родная деревня мецената. В 1913 г., по просьбе односельчан, он построил в Борках двухклассное училище (сегодня здесь филиал районной больницы). Год спустя в двухэтажное каменное здание вошли первые 60 учеников. Родители были счастливы и молили бога за своего благодетеля, сельская детвора получила шанс выбиться в люди и только нашему герою не досталось ничего… Если не считать кованого навеса над

входом, в узорных завитках которого скрывалось две надписи: «1912» и «А.И.Т.». Довольно простой ребус, не правда ли?

Театрал

Культуру Андрей Иванович уважал. Понимал он её или нет вопрос иной, но уважал бесспорно. Именно Текутьеву наш город обязан появлением первого театра, который так и называли – Текутьевский. Он разместился в каменном двухэтажном здании, выстроенном в 1890 г. на ул. Иркутской (ныне – Челюскинцев) специально для этого благородного заведения. Щедрой рукой меценат оплатил всё, начиная со строительных работ и заканчивая содержанием постоянной труппы актёров. Изначально театр был рассчитан за 500 мест, но публика жаловалась на тесноту и в 1909 г. зал расширили до 1200 мест. Не забыл Текутьев и работников своих предприятий – они приобщались к прекрасному бесплатно, для чего постоянно резервировалось 100 мест. И пусть газетные критики не слишком жаловали местные дарования, а заезжие труппы зачастую ставили что-нибудь вроде «Тетушки из Глухова», но для тысяч тюменцев текутьевский театр стал местом первой встречи с Мельпоменой, музой драматического искусства.

После установления советской власти Текутьевский театр переименовали в показательный театр имени Ленина, а потом… то ли новые хозяева не доглядели, то ли злой умысел тому виной, но осенью 1922 г. случился пожар и здание выгорело дотла. Сегодня бывший театр располагается напротив бывшего Дома пионеров и имеет весьма неприглядный вид. Мемориальная доска свидетельствует о том, что в 1919 г. здесь состоялось первое собрание комсомольцев города. А вот Текутьев и основанный им театр такой чести не удостоились, по крайней мере, пока.

Больше повезло другому детищу тюменского мецената – городской библиотеке. В 1899 г. вся Россия праздновала столетний юбилей со дня рождения поэта, а Текутьев к тому же отмечал собственное 60-летие, – одним словом, поводов для широкого жеста было предостаточно. Поэтому, как выразился наш герой, «движимый несказанной любовью к великому поэту России», он пожертвовал 16 000 руб. на устройство первой городской библиотеки, предложив дать ей имя А.С. Пушкина. Более того, меценат выделил для храма книги две комнаты в собственном театре, оговорив, однако, временность такого положения – «только до зимнего сезона».

И вновь начинание Текутьева имело огромный успех: вскоре после открытия в библиотеку записалось более 300 читателей, имя дарителя мелькало в прессе, звучало на городских собраниях… В итоге «зимние сезоны» следовали один за другим, а библиотека по-прежнему квартировала в текутьевском театре и лишь позднее была переведена в принадлежавшее ему же здание Потаскуйских училищ. Да и мог ли такой пустяк беспокоить нашего героя - купца 1-й гильдии, городского голову, почётного гражданина г. Тюмени?

Лоббист

Пожалуй, это современное определение как нельзя лучше подходит к делу, которое вознесло Текутьева на вершину славы, сделав его поистине народным героем Тюмени, Ишима, Ялуторовска и многих других городов и селений. Даже заклятые враги магната признавали, что только его безудержная энергия, широкие связи и, возможно, некоторые иные ресурсы помогли одержать победу в битве за суперприз начала XX века – железную дорогу.

По большому счёту, железная дорога в Тюмени была и довольно давно – её протянули из Екатеринбурга ещё в 1885 г. Вот только была она тупиковой, дальше грузы надо было перемещать на пароходы и доставлять по рекам. Местные предприниматели не раз поднимали вопрос о продлении пути до Омска, но всё было тщетно. Правительство построило к тому времени железную дорогу Челябинск-Владивосток и слышать не хотело о новых сибирских проектах. Единственным исключением стала дорога Екатеринбург-Курган, строительства которой активно добивались группировки мукомолов из Шадринска и

Екатеринбурга. Старания их почти увенчались успехом, оставалось собрать последние подписи под проектом, но… в дело вмешался Текутьев.

С присущей ему неукротимой энергией наш герой ринулся в Санкт-Петербург, став настоящей головной болью для столичных чиновников. Он писал письма, составлял резолюции, выступал на собраниях, увещевал в кулуарах, всеми средствами отстаивая «тюменский» вариант. Можно только догадываться о тех средствах, что были использованы для достижения заветной цели. Известно, что коррупция при строительстве железных дорог достигла в то время невероятных размеров, взятки брали все и не таясь.

Как анекдот передавался реальный диалог между российским чиновником и подрядчиком. Последний предложил: «Я дам Вам 2000 руб. за подряд и никто об этом не узнает». Представитель власти лишь рассмеялся в ответ: «Дайте мне 5000 и рассказывайте, кому хотите». Шадринцы открыто обвиняли Текутьева в подкупе чиновников, называлась и конкретная сумма – 100 000 руб. Надо ли говорить, что Андрей Иванович публично опроверг все обвинения, пригрозив клеветникам судом (который, похоже, так и не состоялся). В непрерывных поездках и переговорах прошло шесть лет.

22 июня 1909 г. – эта дата по праву должна войти в анналы тюменской истории. В этот день Государственная Дума приняла закон о выделении средств на строительство железной дороги Тюмень-Омск – тюменцы победили! Все отлично понимали, кому Тюмень обязана своей блестящей победой и спешили выразить, кто благодарность, а кто возмущение. Подлинный триумф ожидал Текутьева 4 октября, когда элита города собралась в здании приказчичьего клуба (сегодня здесь размещается филармония) для чествования своего героя.

Произносились речи, зачитывались телеграммы, приносились памятные адреса. Тюменская городская Дума объявила о решении поставить в зале думских собраний портрет благодетеля - «на вечные времена». Ишимские думцы избрали его почётным гражданином города Ишима. Последним в списке поздравлений, после Барнаула и станции Кармак, была телеграмма из Тобольска. Но даже «уверения в почтении и преданности» не могли скрыть горечь поражения, которое потерпели тоболяки в этой борьбе с Тюменью. Отныне столица губернии была обречена на прозябание, окончательно превратившись в захолустный чиновничий городок.

Андрей Иванович сиял от счастья: он в очередной раз добился своего, снискал любовь и уважение горожан и приобрёл вечную славу – а что ещё нужно богатому 70-летнему старцу? Казалось, ничто не может разрушить идиллический союз города и его благодетеля. Но воистину говорят: от любви до ненависти один шаг. И он был сделан.

Месть бухгалтера

Сегодня в это трудно поверить, но следует признать: сто лет назад в России была независимая печать. Мало того, свободная пресса существовала непосредственно в г. Тюмени и, несмотря на вечные финансовые неурядицы и проблемы с властями, порой оказывала серьёзное влияние на городские дела. Доказательством тому может служить скандал, который взбудоражил сто лет назад всю Тюмень, имел весьма печальные последствия для города и немало повредил репутации нашего героя. Между тем спровоцировал эту шумиху рядовой газетчик, бывший бухгалтер Тюменской городской Думы Алексей Афромеев. Впрочем, что может быть страшнее обиженного бухгалтера?

Покинув службу, он занялся издательским делом, выпуская в разное время газеты «Сибирский торговый посредник» и «Ермак». Сегодня можно лишь догадываться о том, что послужило тому причиной – давние обиды, личная неприязнь или что-то ещё, одно несомненно: Афромеев очень не любил Текутьева. При этом он вовсе не скрывал своего отношения к «отцу города», напротив, публично поливал его грязью при каждом удобном случае – благо газетные полосы всегда были под рукой.

Думается, за всю свою историю тюменская печать не знала столь откровенного «чёрного пиара», объектом которого стал всенародный любимец и благодетель. В чём только

не обвинял его ретивый газетчик: публичная ложь, воровство, мошенничество, изготовление фальшивых денег, разорение конкурентов и даже… растление малолетних. При этом Афромеев ловко оперировал цифрами, доказывая губительность текутьевского правления для Тюмени.

Авантюрой называл он инициативу бывшего головы по переводу в Тюмень Тобольского пехотного полка. По его словам, на перестройку под казармы бывшего Гостиного двора (ныне – облвоенкомат), вместо 25 000 руб. ушли все 70 000, хотя Текутьев бородой клялся, что не допустит перерасхода. К тому же оплата за постой едва покрывала расходы города на добавочное жалование офицеров, содержать же казармы пришлось за счёт дополнительных ассигнований. В итоге вместо баснословных прибылей казна оказалась в убытке и начала залезать в долги.

Напоминал, что построенную им для города больницу приходилось ежегодно ремонтировать, поскольку все окна и двери были сделаны из сырого леса, а вместо капитальных стен устроены деревянные перегородки. Что ремесленное училище построено на принадлежавшей городу земле и, частично, из городского кирпича. Что слова об отказе Текутьевым от получения жалования городского головы – наглая ложь, которая опровергается его же распиской в получении единовременно 6000 руб. Что постройка каменного здания для пожарных была произведена не по его инициативе, а по предложению другого члена управы и на казённый счёт. К тому же старое помещение сгорело дотла, так что строить пришлось бы и без «инициативы». Что его деятельность по устройству городской электростанции ограничилась установкой на улицах деревянных столбов, которые простояли впустую несколько лет и недавно были убраны за счёт города.

Звучали имена известных людей, разорённых всесильным магнатом. Афромеев утверждал, что именно Текутьев довёл до банкротства Василия Копылова, своего бывшего заместителя по Думе, прогневавшего его неосторожным словом (кстати, именно Копылов руководил в 1909 г. чествованием своего босса). Он же якобы сгубил бывшего казначея Думы Овсянникова, вынужденного бежать из города и умереть на чужбине, – по словам Афромеева, ушлому старику просто приглянулась его симпатичная дочка.

Похоже, газетчик задел магната за живое, покусившись на главное достижение всей его жизни – имя бескорыстного благодетеля, составившего своим трудом огромный капитал. Первое время он пытался отражать атаки тем же оружием, поместив серию ответных статей в местных изданиях. В них Текутьев подробно рассказывал о своих заслугах и затратах на городские нужды, напоминал, что здание под училище он никому не жертвовал, а уступил на время лишь верхний этаж, пояснял, что не будь вовремя построены казармы, солдат и офицеров пришлось бы размещать в принудительном порядке на квартирах горожан. Не преминул упомянуть и о том, что хаос и растраты в городском хозяйстве возникли в бытность Афромеева бухгалтером Городской Управы и что именно это послужило причиной его увольнения. Но куда было письмам обиженного старика до искромётных фельетонов дерзкого журналиста?! Наш герой понял, что слова бессильны и начал действовать.

Первая реакция последовала в апреле 1912 г., когда городская управа прислала Текутьеву сообщение об избрании его в попечители Пушкинской библиотеки. В сущности, это была простая формальность, дань признательности основателю этого учреждения. Ответ был кратким и ошеломляющим: «попечителем быть не желаю, покорнейше прошу помещение от библиотеки в течение 2 мес. освободить»!

Тюменские думцы были в шоке. Едва оправившись от него, Дума вынесла резолюцию, в которой заверяла Андрея Ивановича в своём почтении и решительно отмежёвывалась от «насмешек и позора», о которых говорилось в его письме. Ответом стало новое послание Текутьева, точнее новое требование: освободить здание Потаскуйского училища, которое отдано им под… «гостиницу с номерами»! Теперь на улице оказывались не только библиотека, но и 400 учеников – положение становилось действительно угрожающим. Уязвлённый в самое сердце, старик не скрывал истинных мотивов своего

решения: «Сил не хватает, растратил я нервы свои», - заявил он о борьбе с нападками Афромеева.

О накале страстей можно судить уже по тому, что в Думе смогли зачитать лишь часть текутьевского заявления – ряд слов и выражений пришлось опустить из соображений приличия. Обида ли тому виной или уже сказывался преклонный возраст купца – сказать сложно, однако порой ситуация принимала комический характер. Так, выселяя Пушкинскую библиотеку, Андрей Иванович предъявил права на… три библиотечных шкафа. Афромеев не замедлил съязвить в ответ, что лучше бы Текутьев забрал из Думы свой портрет – всё равно благодарить его уже не за что.

Городскому голове Павлу Никольскому пришлось срочно отправиться в столицу – нужны были деньги на переселение училищ и библиотеки. По счастью, поездка увенчалась успехом – казна выделила 5000 руб. в виде беспроцентной ссуды. В августе было закончено строительство Успенского женского училища, стены которого на время приняли учениц, выселенных Текутьевым. Вскоре планировалось начать возведение нового здания Потаскуйских училищ неподалёку от Народного дома (ныне – резиденция губернатора).

Старик

28 июня 1913 г. умерла Евдокия Яковлевна, жена Текутьева, та самая «чернобровая красавица», что когда-то пришла с ним покорять Тюмень. Сильная душой и телом она всегда была верной помощницей своему супругу, прошедшему на её глазах путь от мелкого базарного торговца до городского головы и миллионера. Евдокия Яковлевна также много сил и времени уделяла благотворительности, но делала это, в отличие от своего супруга, по большей части тайно, без лишней шумихи. Показательно, что даже заклятый враг его Афромеев откликнулся на эту кончину словами сочувствия: «Вечная память тебе, добрая женщина!».

Текутьев остался один. Детей у него, похоже, не было, по крайней мере, от второго брака. В феврале 1927 г. в местной газете промелькнут сообщения о шайке хулиганов, которые подрезали мужика в д. Борки – якобы, среди них был внук магната П.Д. Текутьев. Три месяца спустя в хронику попадёт некий Афиноген Текутьев, ударивший своего сына Павла топором по лицу – в этот раз дело было в Тюмени, на ул. Новой (ныне – Профсоюзная). Сходство фамилий и отчасти характеров налицо, но ручаться за него вряд ли стоит.

2 января 1914 г. известный путешественник Константин Носилов побывал в доме Текутьева, что стоял на ул. Иркутской рядом с основанным им театром (сейчас на этом месте стоит банк «Уралсиб»). Он отметил, что это был «уже старик… но ещё бодрый, живой, всем интересующийся и на всё откликающийся со свойственной ему живостью ума. Будучи совершенно одиноким в семейном отношении, он окружил себя голубями и в них, видимо, находит утешение. Их тысяча в его дворе, они свободно летают по его просторным и светлым комнатам, и шелест их крыльев, воркование их всюду, кажется, что-то говорят особенно чуткому сердцу человека».

Летом 1916 г. Текутьев заболел и 30 июля покинул этот мир. Привыкший находиться в центре внимания, быть хозяином собственной судьбы, он и здесь не изменил себе. Говорили, что он работал едва ли не до последней минуты и умер в полной памяти. Смерть положила конец всем спорам и разногласиям. В Городской Думе при большом скоплении народа отслужили панихиду и литию, после чего состоялось погребение. Текутьева отпели в приделе Спасской церкви, построенном на его деньги и освящённом всего неделю назад, и похоронили в церковном саду, рядом с супругой. Со временем планировалось перенести прах Текутьевых в склеп, сооружённый в Спасской церкви, и есть все основания полагать, что это было сделано. Однако не прошло и двух десятилетий как «благодарные» потомки уничтожили сад и церковный погост, а храм закрыли и перестроили, стирая память о «проклятом прошлом»…

Но главным сюрпризом для всех стало завещание Текутьева, составленное за месяц до кончины, и решившее судьбу наследства миллионера. Часть его получил Иван Некрасов, сын сестры Андрея Ивановича. Прислуге достались выплачиваемые пожизненно проценты с капитала, личному врачу – дом по ул. Водопроводной. А вот город Тюмень ожидали особые подарки: 25 000 руб. на достройку хирургического корпуса больницы и ещё столько же на его содержание, 35 000 руб. на постройку моста через Туру, а также два здания - театра и Потаскуйских училищ. Наверное, в последний момент Андрей Иванович всё же простил своих обидчиков. Ведь позади была долгая жизнь, впереди – вечность и что ему было до уколов газетчиков?